

КОГНИТИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПЕРЕЖИВАНИЙ СЛОЖНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ МИГРАЦИИ И РАЗВОДА)

Е.В. ГРИШУНИНА

В статье представлены результаты исследования переживаний человека в ситуации миграции и развода. Благодаря использованию качественно-количественных методов реконструируется структура переживания. Результаты показывают, что в ситуации миграции переживания основаны на агрессивных эмоциях и направлены на коренное население, а также на преодоление проблем, связанных с поиском работы и жилья. При разводе же преобладают эмоции тревожного регистра, взаимосвязанные у женщин с ожиданиями агрессивного поведения бывшего мужа и сложностей в будущем, а у мужчин — с разлукой с собственными детьми и с сожалением о принесенных в жертву собственных ценностях.

Ключевые слова: переживание, феноменологическая психология, концепция личностно-ситуационного взаимодействия, сложная жизненная ситуация, миграция, развод

Теоретико-методологические основания исследования

Причиной и поводом обращения человека в психологическую консультацию зачастую являются сложные жизненные ситуации, и в частности ситуации миграции и развода. События последних двух десятилетий (распад советского пространства, локальные войны и пр.) увеличили приток мигрантов в Россию и другие страны. Соответственно, и в психологических консультациях все чаще оказываются люди, причисляющие себя и/или причисленные другими к данной социальной категории — мигрант. Рост числа разводов также приводит к тому, что консультанту приходится все чаще сталкиваться и с этой сложной жизненной ситуацией [Росстат, 2010].

Поэтому нам представляется, что ориентация в смысле, направленности, эмоциональной окрашенности и тематической структурированности переживаний человека в данных обстоятельствах окажет существ-

венную поддержку психологу-консультанту и психотерапевту в создании качественного контакта с клиентом, определении субъективной и идеальной нормы в позиции человека по отношению к данным ситуациям, а также в формировании собственной профессиональной концепции консультанта с целью составления плана коррекции состояния клиента, основанного на учете феноменологического общего, особенного и единичного.

Логично предположить, что переживание указанных кризисов теснейшим образом связано с объективными характеристиками ситуации, порождающей психологические трудности. Так, в миграции достаточно ярко выражены различные социальные объективно значимые ситуационные характеристики — это переезд в другую культуру, которая отличается особыми правилами, нормами, ролями. Поэтому в целом влияние социальных факторов — наличие работы, материальная обеспеченность, знание языка и пр. прогнозируемо велико, что уже и показано во многих исследованиях [Бондарева, Колесов, 2004; Михайлова, 1999 и др.]. В данном же исследовании предпринимается попытка понять феноменологию переживаний личности. При этом следует заметить, что мигрантами (их регистрацией, адаптацией, устройством на работу) занимаются определенные государственные учреждения.

В отличие от миграции развод — это жизненная ситуация, где мало выражена социальная поддержка. В обществе развод нередко осуждается, зачастую эта ситуация связана с судебным разбирательством. Официально разводящимися людьми, их адаптацией к новым жизненным условиям, их психологическим состоянием в нашей стране не занимаются никакие государственные органы. Естественно, что стратегии поведения и отношения к ситуации, которая является сугубо личной, будут отличаться многообразием. Поэтому в данном исследовании автор ставил задачу проанализировать переживания человека в ситуации развода преимущественно в их взаимосвязи с социальными детерминантами — ролью человека в данной ситуации (инициатор развода или пассивный участник), семейным статусом после осуществившегося развода.

Общими же чертами этих двух ситуаций можно считать изменения в социальном статусе и влияние на личность отношения общества. С психологической точки зрения обе ситуации характеризуются высокой тревогой и агрессией. В нашем исследовании мы сделали акцент на специфике субъективных эмоциональных и когнитивных компонентов переживания в каждой из ситуаций и на сопоставление их между собой.

Данное исследование базируется на принципах феноменологической психологии [Улановский, 2007; Ясперс, 1997; Джендлин, 2009 и др.] и кон-

цепции личностно-ситуативного взаимодействия [Анцыферова, 1994; Бурлачук, Михайлова, 2002; Magnusson, 1981; Thomae, 1996 и др.]. Основная цель и смысл феноменологического исследования — реконструкция переживания, смыслов и отношения человека к ситуации, окружающим, себе, предметной действительности и т.д. [Улановский, 2007]. Собственно факт рождения ситуации происходит именно в момент соотношения определенного фрагмента среды с конкретным субъектом, посредством придания данному фрагменту особого для субъекта смысла, выработки определенно-го отношения к ситуации [Леонтьев Д.А., 2007; Михайлова, 1998, 1999].

Формирующийся при этом образ не обладает качествами зеркально-го отражения действительности, а опосредован субъективными фильтрами различного уровня — индивидуального, личностного, субъектного. В этом плане задача психологического анализа формулируется как решение вопросов, связанных с пониманием закономерностей, обуславливающих субъективную интерпретацию [Барабанщиков, 2004]. Психологическая теория ситуации предполагает исследование и объяснение трех основных реалий: 1) психологических особенностей естественных ситуаций жизни человека; 2) субъективной интерпретации ситуаций (когнитивно-эмоциональных репрезентаций); 3) различных форм активности в рамках конкретных ситуаций — поведение, общение, межличностные отношения, профессиональная деятельность и т.д. [Бурлачук, Михайлова, 2002; Magnusson, 1981 и др.]. В данном исследовании предметом внимания являются именно когнитивно-эмоциональные представления людей о миграции и разводе.

В результате проведения лонгитюдных исследований за рубежом были выявлены основные параметры анализа субъективной картины ситуации, среди которых: тематическое структурирование репрезентаций; степень дифференцированности содержания субъективной картины ситуации; представленность субъективных убеждений; выраженность настроений и эмоциональных состояний; наличие субъективных предположений, надежд, опасений [Thomae, 1996]. Основным материалом для таких исследований служит речь человека (устная и письменная). При этом в концепции личностно-ситуационного взаимодействия разработаны релевантные для феноменологического анализа методы, позволяющие последовательно преобразовывать информацию и получать качественные и количественные данные об исследуемом феномене [Алмаев Н.А., 2007; Малкова Г.Ю., 2005; Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., 2000].

Продуктивность и одновременно парадоксальность феноменологической научной позиции по отношению к эмоционально-смысловой сфере человека состоит в том, что этот взгляд объективируется обраще-

нием к субъективному. Метод феноменологического анализа предполагает, что мы не производим смысл текста, не интерпретируем, а проявляем, усиливаем сказанное в тексте [Бусыгина, 2009]. Отсюда и появляется понятие «конденсированного смысла».

Итак, функция феноменологического метода вытекает из того, что текст не совсем внятно говорит о том, что хочет сказать автор, на что направлена его интенция. Поэтому необходимо искать атомы смысла, чтобы понимание было полным. Согласно Хайдеггеру М., «... «позади» феноменов в феноменологии ничего не стоит. Тем не менее, то, что становится феноменом, может быть изначально скрыто. И именно потому, что первоначально в большинстве случаев феномены не даны, есть нужда в феноменологии» [Цит. по: Джендлин, 2009, с. 140].

Такая «невнятность» текста особенно выпукло проявляется в сложных для человека ситуациях, когда необходимо принимать решения — новые, творческие, когда необходимо меняться самому, когда в наличии неприятные эмоции и т.д. В этом смысле понятна рекомендация Лэнгле А.: «Феноменология показана там, где «отсутствует ясность в восприятии, в чувствовании, в принятии решения и ориентировании»» [Лэнгле, 2009].

Исходя из этого, предметом исследовательского интереса в нашем случае является именно сложная жизненная ситуация¹.

Необходимо отметить, что в работах многих отечественных авторов изучался круг вопросов, связанных с проблематикой влияния субъекта на структурирование собственных представлений о своей жизни, рефлексии сложных моментов в автобиографии, динамики переживания в экстремальных жизненных ситуациях, возможности использования биографии как исследовательского метода [Ананьев, 1969; Абульханова, 1991; Васильюк, 1984; Кроник, Ахмеров, 2008 и др.]

Особый интерес представляют современные исследования уровней анализа воспоминаний (нарративов), выполненные в рамках культурно-исторического подхода к различным психологическим феноменам².

¹ Здесь продолжается авторская линия изучения сложных жизненных ситуаций, характеризующих степень сходства и различия в стратегиях поведения людей при разводе и в ситуации миграции, стресса при собеседовании во время приема на работу [Гришунина, 2004, 2005, 2006, 2009].

² В частности, к автобиографической памяти, которая «... определяется как высшая мнемическая функция, организованная по смысловому принципу, оперирующая с личностно отнесенным опытом, которая обеспечивает формирование субъективной истории жизни и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути...» [Нуркова, 2009, с. 3].

Объектом анализа в данном исследовании стали истории (нарратив) о сложных жизненных ситуациях, которые были важными или переломными для человека. При этом автор основывался на том, что «человек использует конкретное слово, не только зная и называя заложенную в нем предметность значения, но и чувствуя его смысл» [Цит. по: Джендлин, 2009].

Целью исследования явилось выявление содержания переживаний, входящих в структуру субъективных интерпретаций сложных жизненных ситуаций (миграции и развода), а также определение сходства и различия эмоционально-когнитивных репрезентаций этих ситуаций.

Следует отметить, что эмоциональная часть субъективной репрезентации бывает достаточно разнообразна, однако среди эмоциональных проявлений агрессия и тревога занимают особое место. Обе эти эмоции могут способствовать развитию психосоматических заболеваний и депрессий, а также запускать процесс невротизации и поддерживать его. Именно поэтому в качестве предмета для исследования были выбраны данные эмоциональные регистры — агрессия и тревога в ситуациях миграции и развода. Кроме того, переживания, как центральная единица феноменологического анализа, включают в себя не только эмоции, но и воспоминания, мысли, представления, интерпретации [Джендлин, 2009], которые соответствуют когнитивным характеристикам конструкта, и которые в нашем исследовании изучались с помощью тематического структурирования представлений клиентов о ситуации.

Первый этап исследования был посвящен интервьюированию на темы ситуаций миграции или развода. Исследование носило длительный характер — данные собирались в течение 14 лет на базе психологической консультации в медицинских центрах Москвы («Медицина-АСК» и «Столица»), а также психологического центра «Горячая линия Развод» (руководителем которого является автор данного исследования).

На втором этапе группой экспертов осуществлялся феноменологический анализ эмоций и переживаний человека в рассматриваемых ситуациях³. Вопросы, которые направляли экспертов при анализе текста, касались двух предметов исследования: 1) какие эмоции выражаются в тексте? 2) какие темы отражаются в тексте?

В качестве методов исследования были выбраны следующие.

1. *Метод Готшалк-Глейзер*, который представляет собой психоаналитический инструмент для диагностики осознанных и неосознанных

³ Группа состояла из 4 экспертов, трое из которых — кандидаты психологических наук, двое — практикующие психологи, один — психолог-интерпретатор.

аффектов в содержании устной и письменной речи человека [Алмаев, 2007; Малкова, 2005].

В рамках данного исследования оправдано включение измерительной методики, которая, несмотря на ее номотетическую форму, основана на психоаналитическом подходе, а выделение единиц анализа и собственно их анализ носит идеографический, а значит, феноменологический, характер. В процессе применения этой методики смысл сказанного конденсируется благодаря выявлению эмоционального состояния, которое выражается в тексте.

Авторы рассматриваемой методики считают, что «величина» аффекта может быть валидно оценена по транскрипту содержания речевого высказывания. Изменения аффективного состояния также проявляются в изменениях речевого содержания. Величина аффекта прямо пропорциональна трем основным факторам:

- 1) частоте появления определенных категорий в содержании речи;
- 2) степени интенсивности проявления аффекта в содержании высказывания (например, высказывания «я тебя убью» или «ты мне не нравишься»);
- 3) степени личного участия в эмоционально значимых состояниях и действиях.

К проявлениям механизмов вытеснения аффекта относятся следующие:

- аффект приписывается другим людям;
- аффект приписывается животным или неодушевленным объектам;
- аффект отрицается и не признается;
- аффект признается, но выражается в скрытых речевых формах.

Основанием трех шкал агрессивности в данном тесте служит направление агрессивного импульса. Шкала внешне направленной агрессивности измеряет интенсивность сердитых, обидных, унижающих высказываний по отношению к внешним явлениям. Шкала внутренне направленной агрессии измеряет степень ненависти к самому себе и самокритики. Шкала амбивалентной агрессии измеряет феномены, включающие как внешнюю, так и внутреннюю агрессию. Шкала тревожности состоит из следующих субшкал: тревога смерти, тревога физического неблагополучия, тревога разобщения, тревога социального неодобрения, диффузная тревога, тревога за других людей.

Использование методики Готшалк-Глейзер также дает возможность анализировать данные по дополнительным шкалам: «сам агрессор» (сумма баллов внешне направленной открытой агрессии и аутоагрессии), «другие агрессоры» (сумма баллов по внешне направленной скры-

той и амбивалентной агрессии), «другие жертвы» (сумма баллов обоих видов внешней агрессии), «я жертва» (сумма баллов амбивалентной и аутоагрессии).

2. Анализ тематических центраций.

Немецкий психолог Х. Томэ, интегрируя положения теории К. Левина и используя свой оригинальный метод изучения повседневных жизненных ситуаций путем изучения биографии, пришел к выводу о том, что, проживая различные ситуации своей жизни, человек тематически структурирует их, что отражается в его высказываниях [Thomae, 1996]. В тематических центрациях представлено единство интенций и объективно значимых характеристик ситуации. Выделяя темы, мы выясняем их эмоциональную нагрузку, и, по сути, проводим психолингвистический контент-анализ содержания высказываний пациентов о ситуации [Гришунина, 2004, 2005, 2006, 2009].

3. *Проведение специфического (дополнительного) тестирования* в изучаемых группах: для переживших миграцию — диагностика социальной фрустрированности (Л.И. Вассерман), определение нервно-психической устойчивости, риска дезадаптации в стрессе «Прогноз», «Психологическая автобиография» (Л.Ф. Бурлачук), а для переживших развод — определение жизненных ориентаций (М. Рокич).

Выбор дополнительных методик обследования и соответствующие им направления анализа обусловлены различиями между ситуациями миграции и развода.

В роли испытуемых выступили 189 человек, среди которых:

— 65 мигрантов в возрасте от 19 до 38 лет, приехавших с Украины и из Армении. Все имеют работу, находятся в Москве от 1 до 7 лет;

— 124 человека опрашивались по ситуации развода. Возраст испытуемых колеблется от 22 до 56 лет.

Результаты исследования

Изучение степени выраженности агрессии и тревоги в ситуациях миграции и развода показало, что в обеих выборках наиболее выражена внешне направленная **открытая** агрессия (таблица 1). Однако в ситуации миграции внешней открытой агрессии, так же как и внешней скрытой агрессии, можно ожидать значительно чаще ($p < 0,01$ и $p < 0,05$ соответственно). Степень выраженности аутоагрессии в обоих случаях примерно одинакова. При этом, на наш взгляд, человек в ситуации миграции более нацелен на «обнаружение» агрессивных эпизодов в жизни ($p < 0,05$), даже если они не направлены непосредственно на него (показатель по шкале амбивалентной агрессии).

Таблица 1

Выраженность ситуативной агрессии

| № | Шкалы ситуативной агрессии | Развод (в станд. баллах) | Миграция (в станд. баллах) |
|---|---------------------------------------|-----------------------------|-------------------------------|
| 1 | Внешне направленная открытая агрессия | 1,3 | 2,8 |
| 2 | Внешне направленная скрытая агрессия | 0,3 | 1,1 |
| 3 | Внутренне направленная агрессия | 1,1 | 1,3 |
| 4 | Амбивалентная агрессия | 0,9 | 1,5 |

Средний же показатель по шкале «сам агрессор» по всей выборке обследуемых составил 2,2 стандартизированных балла. Однако различия между группами мигрантов и разведенных существенны — в группе мигрантов этот показатель значительно выше ($p < 0,01$).

Помимо этого уровень социальной фрустрированности мигрантов-мужчин достоверно выше, чем у женщин, что, по нашему мнению, может объясняться гендерным фактором, который в данном случае проявляется в том, что на мужчине лежит большая ответственность за материальное обеспечение семьи и потому запросы мужчин в этой сфере больше и невозможность их удовлетворения вызывает фрустрацию в большей степени, чем у женщин.

Таким образом, результаты измерения ситуативного аффекта показывают, что в ситуации миграции переживания человека нагружены агрессией различного направления. В ситуации развода агрессия проявлена меньше, а более выраженными оказываются эмоции тревожного регистра (таблица 2).

Так, на первом месте по степени выраженности в ситуации развода оказалась тревога физического неблагополучия (высказывания об угрозе заболевания или наличии такового, опасения о состоянии здоровья, высказывания о ранениях, повреждении тканей или опасения ранений) и тревога за других (обычно за детей).

В ситуации миграции особенно высоко располагаются тревога разобщения (высказывания об оставлении, заброшенности, утрате поддержки, утрате любви) и тревога социального неодобрения (высказывания об отрицательной критике, оскорблении, осуждении, моральном неодобрении, вине, высказывания о насмешках, неполноценности, стыде, смущении, унижении, чрезмерное выделение недостатков или подробностей личного характера).

Таблица 2

Выраженность ситуативной тревоги

| № | Шкалы ситуативной агрессии | Развод (в станд. баллах) | Миграция (в станд. баллах) |
|---|------------------------------------|-----------------------------|-------------------------------|
| 1 | Тревога смерти | 1,2 | 0,5 |
| 2 | Тревога физического неблагополучия | 2,4 | 0,7 |

| | | | |
|---|--------------------------------------|-----|-----|
| 3 | Тревога разобщения | 2,1 | 2,4 |
| 4 | Тревога социального неодобрения | 2,1 | 2,1 |
| 5 | Неопределенная или диффузная тревога | 1,7 | 0,9 |
| 6 | Тревога за других людей | 2,4 | 1,3 |

Значимые различия между проявлениями тревоги в ситуации развода и миграции обнаружались по шкалам смерти и физического неблагополучия ($p < 0,01$) — при разводе она выше. Дополнительным фактом, свидетельствующим об этом, могут служить предыдущие наши работы, в которых показана тесная взаимосвязь в сознании людей категорий «развод» и «смерть», выявленная на основе анализа поисковой активности пользователей интернета, вводящих в поисковую строку Яндекса слово «развод» [Гришунина, 2004].

Тематическое структурирование субъективных репрезентаций ситуации миграции.

Проведенный кластерный анализ результатов исследования (таблица 3) показывает, что наиболее значимой для мигрантов является тема о проблемах трудоустройства, жилья, а также тема сравнения мигрантов и коренного населения.

Таблица 3

Тематические центрации в нарративе о миграции

| Кластеры | Тематические центрации |
|----------|--|
| 1 | Проблема трудоустройства Проблема поиска жилья, устройства быта Сравнение мигрантов и коренного населения (их проблем и возможностей) |
| 2 | Причины миграции Сравнение себя и своей жизни до и после миграции Планы |
| 3 | Сравнение ситуации в двух странах Отрицательное отношение коренного населения Положительное отношение коренного населения Реакция членов семьи на ситуацию миграции |
| 4 | Досуг Приятные случаи в миграции Неприятные случаи в миграции Положительные стороны миграции |

Второй кластер в рейтинге представляет тема «Причины миграции», размышляя о которой человек ищет объяснения, а иногда и оправдания

этого шага, при этом сравнивая себя и свою жизнь до и после миграции, пытаюсь анализировать произошедшие в нем и его жизни изменения и понять, что он получил, а что потерял.

«Сравнение ситуации в двух странах» — тема, так же связанная с важным рубежом — миграцией, но в отличии от предыдущей темы акцент делается не на внутренних изменениях, а на изменениях внешней среды. Отношение коренного населения к мигрантам (как положительное, так и отрицательное) также относится к третьему кластеру.

Анализируя взаимосвязи тематических центраций и эмоциональных проявлений агрессии и тревоги, можно увидеть, что первый кластер тем (который условно можно обозначить как «Проблемы») связан с внешней (открытой и скрытой) агрессией ($p < 0,01$), а также с показателем «сам агрессор». Таким образом, комплексный совместный анализ эмоций и тематических центраций позволяет приблизиться к пониманию целостных переживаний человека в ситуации миграции. В данном случае прогнозируемо, что совместное действие агрессивных эмоций и когний, связанных с проблемами мигрантской жизни, может произвести нежелательный в социальном и в психологическом отношении эффект.

Типичные высказывания в этом контексте:

«Мигранты приехали зарабатывать деньги и постоянно работают, а москвичи так сильно работой не заморачиваются, и у них больше возможностей выбирать работу...»

«У мигрантов всегда проблемы с жильем, его приходится снимать, налоги на заработки больше, а у местного населения проблема только лень...»

«Мигранты более ущемлены в правах, чем коренные жители...»

«В Москве ты никто и зовут тебя никак, это начинает накапливаться и давить. Относятся к мигрантам более негативно. Здесь все чужой...»

Второй кластер тематических центраций, который условно можно назвать «Рефлексия», взаимосвязан с тревогой разобщения и диффузной тревогой. Переживания в данном случае окрашены чувствами разочарования, обманутых ожиданий, что выражается в следующих высказываниях:

«Я считаю — у нас паршивое общество в плане социума, оно неграмотное, люди без понятия, что такое правила этикета, даже люди, которые называют себя интеллигентами. А жить в мире вранья — приходится маскироваться...»

«То, что мы живем в эпоху, где материальная сторона считается одним из приоритетов, то я думаю глупо мне залазить в философские дебри. Конечно, имеет значение материальный статус именно в эту эпоху, де-

ваться некуда, условия жизни диктуют такие правила и отклоняться в сторону и выглядеть белой вороной без толку. Я живу в век потребителя, вся жизнь человека сводится к тому, чтоб достичь какого-то материального благополучия и сидеть на золотом унитазе. И естественно, мне деваться некуда»

«Меня не устраивает само общество, но мне приходится в нем жить...»

«Я ожидала здесь увидеть, наверное, рай какой-то, потому, что все рассказывали про Москву. А когда я пожила здесь, поработала, то поняла, что это далеко не рай...»

Отметим еще одну интересную взаимосвязь — в подвыборке армянских мигрантов частота употребления темы «Сравнение мигрантов и коренного населения (их проблем и возможностей)» напрямую зависит от актуального уровня нервно-психической напряженности ($p < 0,01$), который значимо различается у исполнителей (он выше) и руководителей ($p < 0,05$). Таким образом, наличие статусной позиции может облегчать адаптацию в ситуации миграции.

Тема «Сравнение ситуаций в двух странах» связана с тревогой социального неодобрения ($p < 0,01$) — типичное высказывание *«в родной стране меня признавали, в чужой — неизвестно, будут ли»*. А тема «Отрицательное отношение коренного населения» связана с повышенными показателями по шкалам «сам агрессор» и «сам жертва» ($p < 0,01$), что дает возможность усмотреть сущностную характеристику феномена миграции — мигрант никогда не является окончательно победившим или побежденным. Экзистенциальная сущность мигрантской жизни высвечивается значением предлога «между» (странами, социальными ролями, Я-концепциями и пр.)

Тема «Планы» в субъективной репрезентации ситуации миграции также занимает достаточно высокое место. Причем взаимосвязь показателей аффективного отношения к ситуации миграции и представлений о своем жизненном пути может говорить о том, что в группе мигрантов, которые указывают меньшее количество будущих событий, уровень диффузной тревоги выше ($p < 0,05$). Аналогичные различия наблюдаются по таким шкалам агрессии как «внешняя открытая агрессия», «другие жертвы» и «сам агрессор». Отсутствие радостных событий (или их малое количество) в ситуации миграции влечет за собой неопределенную тревогу или тревогу не состояться в новом для себя обществе, быть не принятым ($p < 0,05$). Это подтверждает и взаимосвязь диффузной тревоги с большим временем ретроспекции, когда среди значимых событий жизни отмечается большое количество давно прошедших

событий ($p < 0,05$). С «увлеченностью прошлым» связаны и ощущение себя жертвой агрессии других ($p < 0,05$).

Таким образом, тематическое структурирование представлений мигранта вокруг планов на будущее может помочь снизить диффузную тревогу и тревогу социального неодобрения, а также внешне направленную открытую агрессию.

Тематическое структурирование субъективных репрезентаций ситуации развода.

Комплексный анализ ситуативной агрессии, тревоги и тематических центраций дает возможность получить картину переживаний человека и в ситуации развода. Анализ взаимосвязей в целом по выборке разводящихся не дает возможности интерпретировать результаты, так как весьма серьезным оказывается вклад гендерного признака в наличие и силу этих взаимосвязей. Например, тема «Негативные черты бывшего супруга» чаще затрагивается женщинами и имеет собственные взаимосвязи в подвыборке женщин, а тема «Реакция детей на развод» — практически чисто мужская и тоже имеет уникальные взаимосвязи. Гендерные аспекты субъективных репрезентаций отражены в наших предыдущих работах [Гришунина, 2004, 2005]. В настоящей статье анализируются взаимосвязи отдельно для подвыборок мужчин и женщин.

Тема «Негативные черты бывшего супруга» взаимосвязана с тревогой физического неблагополучия у женщин ($p < 0,01$) и повышенными показателями у них по шкале «сам жертва» ($p < 0,05$). Пытаясь представлять в своих историях эту тему, женщина обычно делает вывод об опасности возможных поступков бывшего мужа в отношении ее жизни и здоровья. К негативным чертам бывшего супруга относят алкоголизм, эмоциональную несдержанность, которая может приводить к физическим оскорблениям, а также нежелание вставать на точку зрения женщины.

Типичные высказывания в этом контексте:

«Я вышла за него, потому что вынуждена была прикрыть позор — он меня изнасиловал, но я ему этого никогда простить не смогла и не смогу...»

«Он не хотел видеть моего ребенка от первого брака, поэтому мой сын жил у моих родителей, а я каждую ночь выла в подушку от тоски, а он мог меня этой же подушкой придушить, требуя, чтобы я не рыдала...»

«Я его из наркоманов вытаскивала, по больницам с ним ездила, платила за него из моей стипендии, сама буквально голодала, у мамы деньги воровала, а теперь что? Каждый день — по морде получаю...»

«Если бы не я, бизнес давно развалился бы, все держалось на мне. Он — тупой и злой, его люди не любят...»

Темы «Причины развода» и «Реакция детей на развод» у мужчин взаимосвязаны с тревогой за других людей ($p < 0,01$) и с аутоагрессией ($p < 0,01$). Соответственно, мужчины больше склонны видеть свои ошибки и критиковать свои поступки, так же, как и вытеснять агрессию (амбивалентная агрессия у них выше, $p < 0,05$). В этих взаимосвязях отражается острая проблема, с которой сталкивается мужчина после развода — он гораздо чаще, чем женщина, оказывается разлученным с ребенком.

Примеры высказываний:

«Мне самое главное — чтобы дочке не было больно. Я ведь свое решение принял, но ведь оставляю дочь с этой ... (оскорбление), а потом — гнетет то, что не могу своему ребенку рассказать правду о причинах — ведь это значит «опустить» маму в ее глазах. Самому ребенку и хуже сделаешь...»

«Я сразу заявил бывшей супруге, что не хочу, чтобы она знакомила дочь с каким-то своими хахалами. Ребенка же легко подкупить — подарки, конфетки. И начнутся вдруг у ребенка сложности с психикой, так как он не понимает, что происходит между родителями...»

Тема «Изломанная личная жизнь» взаимосвязана с аутоагрессией у женщин ($p < 0,05$), и с внешней агрессией (открытой и скрытой) у мужчин ($p < 0,05$), и тревогой смерти у пассивных участников развода ($p < 0,01$). Таким образом, субъективный конструкт ситуации развода у женщин содержит представление о себе как о недостойной хорошего отношения со стороны других, причем во взаимосвязи с когнитивной составляющей в виде воспоминаний о том, как именно была разрушена ее личная жизнь. Необходимо отметить, что аффект здесь вторичен по отношению к когнитивному компоненту — то есть конструкция переживания такая: *«так как моя жизнь разрушена, я никому не нужна, я ТЕПЕРЬ плохая»*.

Мужчины же считают, что крах их личной жизни, наоборот, дает им право на актуализацию аффекта в виде агрессии. Как показывают результаты исследования, особое внимание консультанта, психотерапевта должны привлечь пассивные участники развода, которые поднимают тему изломанной личной жизни. С высокой вероятностью у таких клиентов могут возникать суицидальные тенденции (повышенные показатели по шкале тревоги смерти по сравнению с другими группами — $p < 0,01$).

Тема «Ревности» у мужчин также взаимосвязана с внешней открытой агрессией ($p < 0,01$), а когнитивная переработка информации по теме «Облегчение состояния бывшей супруги» связана с повышением показателей по шкале тревоги за других людей ($p < 0,01$) и аутоагрессии ($p < 0,01$).

Например:

«Я все время думаю о том, а вдруг она найдет лучше меня. Особенно меня мучают образы, как она в постели с другим мужчиной... Я удивлен этим сам. Ведь я уже сам живу с другой женщиной, но периодически мне так обидно, что кто-то будет лучше меня для бывшей жены...»

Было выявлено, что ревнуют к другим партнерам те мужчины, которые являются не инициаторами, а пассивными участниками развода, в то время как инициаторы-мужчины вырабатывают такой субъективный конструкт ситуации развода, в котором важную роль играет содержание темы «Облегчение состояния бывшей супруги». Этой категории клиентов важно, чтобы чувство вины (аутоагрессия), возникающее из-за инициации ими самого решения развестись, не усиливалось бы еще и плачевным состоянием оставленной супруги.

Желание сохранить семью и у мужчин, и у женщин взаимосвязано с аутоагрессией ($p < 0,05$), с поиском, анализом собственной вины и ошибок. Однако параллельная взаимосвязь этой тематической центрации с тревогой разобщения ($p < 0,01$) показывает, что в этом стремлении могут содержаться и довольно деструктивные тенденции, отражающие наличие зависимости, со-зависимости.

Развод (т.е. присутствие двоих в ситуации развода) может длиться несколько лет. И все это время супругам могут приходиться в голову мысли о том, что можно вернуться к совместной жизни. Замечено, что центрации на этой теме чаще происходят в самом начале жизни врозь и по прошествии года (если к этому моменту человек все еще одинок). Такие мысли не посещают людей, если они, находясь в ситуации развода, продолжают жить вместе. Объяснить такую обусловленность можно, если сослаться на свойство памяти сохранять хорошее и сглаживать неприятные моменты жизни. Иллюстрирующее высказывание:

«Через месяц, после того, как ушла от него, я вдруг с удивлением обнаружил, что не помню, а по каким поводам мы так сильно скандалили. Но зато ни с того, ни с сего начинали всплывать приятные вещи — наш секс, отдых, как он за мной в самом начале ухаживал, как цветы носил, когда я в больнице лежала...»

После осознания наличия таких центраций у человека было два основных выхода-продолжения этих мыслей: либо «поддаться» им (и тогда возникала новая тема — как же вернуть такое хорошее прошлое), либо сопротивляться (и тогда выискивать, вспоминать и специально сосредотачиваться на воспоминаниях о неприятных моментах совместной жизни).

Все опрошенные нами люди отмечали, что хотя бы раз, но приходили все же мысли о том, чтобы вернуться к совместной семейной жизни.

Особенно часто они приходили к тем, кто при раздельном проживании мог удостовериться в незначимости собственных претензий к другому.

«Уже через пару недель я почувствовала, что мне не хватает мужа. Я задумалась над тем, как я сейчас живу. Да, у меня есть крутой секс, мой партнер меня удовлетворяет, я просто вся горю от страсти. Ну и что? А вечером я все равно вспоминаю, как мне было с мужем интересно просто общаться, он так много знает, он — умничка! А как он за мной ухаживает, смотрит восхищенно — и не на ноги или чуть выше, а в глаза мне. Он меня уважает, заботится...»

Поиск нового партнера, как тема, структурирующая субъективный конструкт, окрашен эмоциями внешней агрессии ($p < 0,05$) и тревоги разобщения ($p < 0,05$). То есть новый партнер зачастую ищется из-за желания отомстить и страха остаться в одиночестве. Очевидно, что это не является конструктивной мотивацией и основой для новых отношений.

Мужчины часто (75% всех обследуемых мужчин) центрируются на теме «сожаление о прошлом», где причины этого переживания могут формулироваться как случаи «принесения в жертву» каких-либо важных ценностей:

«я все хотел ей угодить, из-за этого делал все, что она скажет, лишь бы не было скандала, лишь бы она улыбнулась»;

«бросил друзей, стал другим по характеру даже — домоседом, скучным, тупо сижу в Интернете по вечерам»;

«по ее мнению, я должен был реже общаться с родителями, дочкой от первого брака, иначе — грандиозные разборки на полночи, поэтому пришлось всем этим пожертвовать»;

«жена работать не хотела, я зарабатывал 400 долларов, на триста жена каждый месяц покупала себе сапоги, туфли, украшения; сто долларов мы тратили на еду, я же ходил в обносках ее брата — это было униительно, но я молчал и улыбался...»;

«она вечно была такая беспомощная во всем, что я занимался ее проблемами постоянно, и из-за этого не сумел закончить университет, завалил сессию...».

Женщины обращаются к этой теме гораздо реже — в 37,5% случаев. Примеры «жертв» в описаниях опрошенных выглядят следующим образом: *«бросила аспирантуру», «стала с ним жить, хотя за это меня могли выгнать с работы, ведь он — мой подчиненный...», «не работала, потому, что он не хотел», «моталась с ним по всем городам и весям, о своей карьере не думала...», «я вышла за него, потому, что вынуждена была прикрыть позор — он меня изнасиловал, но я ему этого никогда простить не смогла и не смогу», «он не хотел видеть моего ребенка от первого брака, поэтому*

мой сын жил у моих родителей, а я каждую ночь выла в подушку от тоски...», «я его из наркомании вытаскивала, по больницам с ним ездила, платила за него из моей стипендии, сама буквально голодала, у мамы деньги воровала...», «если бы не я, бизнес давно развалился бы, все держалось на мне...».

Анализ взаимосвязей показывает, что центрация на теме «Сожаление о прошлом» взаимосвязана с амбивалентной агрессией ($p < 0,01$), которая у мужчин выражена больше, чем у женщин ($p < 0,05$).

Примеры высказываний:

«И зачем я столько тратил сил? А еще и денег? Ведь образование ее сына (от первого брака) вылетало мне в копейку! Ее родственники все переехали в Москву, ее матери и ее брату я квартиры купил! А теперь она у меня все отняла — и семью, и себя, и любовь!»

«Я терпел 20(!) лет все ее выкрутасы — она могла мне изменять, я даже иногда знал об этом, но все прощал. Зачем все это было? Эх, дурак-дурак я! Столько хороших, добрых женщин вокруг! Я же полжизни потратил на стерву!»

Тема будущего у женщин связана с тревогой физического неблагополучия ($p < 0,01$). Под страхом перед будущим женщины понимают опасения за отношения бывшего супруга с детьми, тревогу по поводу материальных трудностей, которые могут возникнуть после развода, неопределенность и предполагаемую настороженность отношения социального окружения к женщине в разводе.

Анализ данных интервью с разведенными женщинами показывает, что основное содержание (коннотации) страха за отношения бывшего супруга с детьми следующее:

1) Крайне неприятные чувства в случае, если бы бывший супруг стал знакомить их детей с другой женщиной, подозрение, что другая женщина будет настраивать детей против нее или пытаться представить ее виноватой в разводе, опасения за то, что дети, видя нежное отношение их отца к этой женщине, начнут эмоционально тянуться к ней, что она как мать перестанет быть авторитетом для собственных детей, потеряет контроль.

2) Тревога за снижение материальной обеспеченности детей, основывающаяся на умозаключении о том, что дети перестанут играть значимую роль в жизни бывшего мужа, и он перестанет их обеспечивать; женщины, зарабатывающие деньги самостоятельно и имеющие возможность обеспечивать своих детей, тоже отмечали тревогу за взаимодействие с бывшим мужем в плане обеспечения детей. Однако понимать они предлагали это несколько в другом контексте — им было обид-

но, что бывшему мужу не придется тянуть это бремя, что им необходимо самостоятельно и в одиночку решать эту задачу.

3) Предположение о том, что после развода у детей возникнут негативные чувства по отношению к отцу (особенно сильна эта составляющая страха в тех случаях, когда в межсупружеских конфликтах, предшествующих разводу, отец играл неблагоприятную и явную роль агрессора и нападающего на мать).

Страх перед отношением общественного мнения к женщине в разводе — самый неосознаваемый из вышеназванных. О нем говорят обычно в последнюю очередь. Причем в результате какой-нибудь спонтанной ассоциации (то есть само проговаривание «выводит» на тему этого страха). Например:

«Конечно, я попрошу сестру помочь мне — может поживу в ее квартире, пока не найду себе жилье... Но... О, господи! Что же ее муж подумает обо мне? Ведь он всегда считал меня беспроблемной, счастливой, даже мудрой меня называл. И вот — я развожусь!!! Он меня уважать перестанет! Да ведь что говорить — так все ко мне начнут относиться — кто с жальностью, кто с презрением, а тот, кто завидовал моему семейному счастью — со злорадством... Что же делать? Я этого не выдержу!...»

Страх перед общественным мнением менее свойственен молодым женщинам (до 28 лет) ($p < 0,05$). Их отличает большая независимость от этого фактора. Хотя в этой группе обследуемых наблюдался один случай, когда женщина 24-х лет отмечала этот страх у себя, объясняя это тем, что ей стыдно за такой неприлично малый срок (менее года) семейной жизни:

«Точно все вокруг начнут ныть — даже года не могла продержаться, еще только-только недавно свадьба была...»

Те, кто чаще воспринимает других в качестве агрессоров, тот после развода гораздо реже разочаровывается в ценности семейной жизни (тест М. Рокича) ($p < 0,05$). Этот аспект ситуативной агрессии («другие — агрессоры») связан с темами «Сохранение семьи» и «Причины развода». То есть человек рассматривает возможности сохранить семью, основываясь на экстрапунитивной позиции (я не виноват, другие виноваты, они — агрессоры). И действительно, если мы обратимся к дескриптам темы «Причины развода», то увидим, что в этой подвыборке (испытываемые, не разочаровавшиеся в семейных ценностях) виновниками развода воспринимаются «третьи лица» — новый партнер бывшего супруга, родители, друзья и др.

То есть логика переживания следующая: другие виноваты в развале семьи, а сам статус семьи неприкосновенен, и я буду пытаться сохра-

нять семью. Если же другие не воспринимаются как агрессоры и, следовательно, причина развода в самой семье, то тогда семья и любовь не стоят того, чтобы ставить их на первые места в иерархии жизненных ценностей, и семью сохранять не стоит. Таким образом, центрация на вине других, третьих лиц дает человеку, переживающему развод, право бороться за сохранение семьи. Вопрос об эффективности такого рода установки в этой борьбе мы оставляем в стороне, он требует дальнейшего изучения.

Рассмотрение взаимозависимостей различных показателей с ролью человека в ситуации развода (инициатор или пассивный участник развода) показывает, что у мужчин, которым пришлось играть пассивную роль, темы «Облегчение состояния бывшей супруги» и «Поиск новой партнерши» не появляются в нарративах. Инициаторы чаще проявляют эмоции, которые характеризуют их как агрессоров ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов исследования

В сложной жизненной ситуации наиболее выраженный вид ситуативных аффектов — внешне направленная открытая агрессия (в миграции), тревога физического неблагополучия у женщин и тревога за других людей у мужчин (в ситуации развода). Известно, что тревога является аффективным ответом на ситуацию, обладающую качествами неопределенности. Соответственно, можно сделать вывод о характеристиках ситуаций развода и миграции. В разводе технологии поведения являются менее фиксированными, стратегии разворачивания этой ситуации имеют большую индивидуальную вариативность, и поэтому она более тревожащая по сравнению с миграцией, где всегда есть возможность найти земляков, объединиться с ними, получить пособие от государства. Тем более, что, как уже отмечалось, государство тоже не заинтересовано оставлять мигрантов без присмотра, в отличие от разводящихся, которым негласные правила предписывают разбираться со своими сложностями самостоятельно. В ситуации развода человек острее ощущает одиночество и свою ситуативно обусловленную инаковость, которая и приводит к появлению тревоги. При этом тревога физического неблагополучия является коррелятом суицидальных тенденций.

В ситуации миграции люди часто чувствуют одиночество, свою социальную нереализованность — ведь, фактически, все приходится начинать «с нуля» и чаще всего заниматься той деятельностью, которая приносит материальный доход, а не той, которой хотелось бы заниматься. На наш взгляд, в этих результатах проявляется важное для практической работы различие между группами мигрантов и переживающих раз-

вод. Из этих обнаруженных фактов видны направленность и различия консультативной и психотерапевтической работы с ними.

Анализируя результаты исследования ситуации развода, можно заметить, что инициаторы проявляют большую внешне направленную открытую агрессию по сравнению с пассивными участниками. Принять на себя ответственность, сделать первый шаг, понимая, что все-таки развод является социально неодобряемым поступком, по нашему мнению, уже означает проявление агрессивности не только по отношению к бывшему супругу, но и к социуму. Поэтому сам факт принятия решения у инициаторов можно интерпретировать как проявление агрессивных тенденций.

Кроме того, комплексный анализ ситуативных аффектов и тематических центраций привел нас к пониманию важных гендерных особенностей субъективных конструкторов ситуации развода. Для мужчин характерны переживания за ребенка, с которым он зачастую оказывается разлученным, а также наличие в эмоционально-когнитивной репрезентации ситуации тем, связанных с сожалением о принесенных жертвах ради бывшей супруги и/или семьи. В данном случае это воспринимается мужчиной как непродуктивное, бесполезное, неоправданное предательство собственных идеалов.

Ведущее положение среди тематических центраций женщин при разводе занимают высказывания, посредством которых выражается отношение, а иногда выносятся и оценки экстрапунитивной направленности (обсуждение поведения и характера мужчины как виновного в случившемся). Причем эта когнитивная часть субъективной картины ситуации связана со страхом физической угрозы со стороны мужчины. В женской эмоционально-когнитивной репрезентации ситуации развода важную роль играют переживания, связанные с желанием отомстить бывшему мужу, а также те, которые имеют своим источником страх перед будущим (дети, общественное мнение, материальное благополучие).

Отметим некоторые важные различия субъективных репрезентаций ситуации миграции и развода:

- 1) в ситуации миграции в большей степени выражена внешняя открытая и внешняя скрытая агрессия, в ситуации развода — эмоции тревожного регистра;
- 2) репрезентация ситуации развода обладает большей индивидуальной вариативностью, чем представления о ситуации миграции;
- 3) переживания при разводе более разнообразны и насыщены, чем в ситуации миграции (это касается и эмоционального, и когнитивного содержания переживаний).

Таким образом, комплексное применение анализа эмоций и когнитивных составляющих субъективной репрезентации ситуации обогащает исследовательскую практику и делает их взаимодополняющими и следующими логике человеческого психического функционирования. Измерение выраженности эмоций агрессии и тревоги в комплексе с анализом тематических центраций в субъективном представлении человека о ситуации позволяет получить дополнительные данные о его переживании.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К.А. Стратегия жизни. М: Мысль, 1991.
- Алмаев Н.А. Понимание и выражение значений в речи человека: Дисс. ... д. психол. н. М., 2007.
- Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
- Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1.
- Барабанников В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: Институт психологии РАН, 2004.
- Бондарева С.К., Колесов Д.В. Миграция. Сущность и явление. Москва-Воронеж, 2004.
- Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. М., 1998.
- Бурлачук, Л.Ф., Михайлова Н.Б. К психологической теории ситуаций // Психологический журнал, 2002. Т. 23, № 1.
- Бусыгина Н.П. Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 52—77.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: МГУ, 1984.
- Гришунина Е.В. Миграция и ситуация развода в семье / Миграция в Европе: социальные и психологические аспекты // Материалы международной конференции. Киев. 2004.
- Гришунина Е.В. Тематические центрации в высказываниях о ситуации развода // Язык. Сознание. Культура. М.-Калуга: Институт языкознания РАН, Институт психологии РАН / под ред. Уфимцевой Н.В., 2005.
- Гришунина Е.В. Особенности динамики субъективного конструкта ситуации при разводе. Сб. научных статей. Вып. 3 / под ред. Блинниковой И.В. М.: Высшая школа психологии. 2006.
- Гришунина Е.В., Краевская Н.Б. Человек в ситуации собеседования при приеме на работу // Человеческий фактор: социальный психолог. 2009. № 2 (18).
- Гришунина Е.В., Южанинова А.Л. Диагностика взаимоотношений человека с окружающими методом анализа сновидений / Сборник СГПИ. Саратов, 1993.

- Джендлин Ю.Т. Феноменологическая концепция и феноменологический метод: критический анализ работы Медарда Босса со сновидениями // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 130—146.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. И.: Смысл, 2007.
- Лэнгле А. Феноменологический подход в экзистенциально-аналитической психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 110—129.
- Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометория: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М., Смысл, 2008.
- Малкова Г.Ю. Контент-анализ автобиографических рассказов в изучении личностных свойств: Дисс. ... к. психол. н. М., 2005.
- Михайлова Н.Б. Психологическое исследование ситуации безработицы // Психологический журнал, 1998, № 6.
- Михайлова Н.Б. Психологическое исследование ситуации эмиграции // Психологический журнал, 1999, № 5.
- Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: автореф. дисс. ... д. психол. н. М., 2009.
- Россия в цифрах. 2010: Краткий статистический сборник / Росстат. М., 2010.
- Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130—150.
- Ясперс К. Общая психопатология / пер. с нем. М.: Практика, 1997.
- Magnusson D. 1981. A psychology of situations. In: *Toward a psychology of situations. An interactional perspective*. Erlbaum. 9—32.
- Thomas H. 1996. *Das Individuum und seine Welt*. Göttingen.
- Wagerman S.A., Greve L.A. & Funder D.C. 2006. *You Did What Where? Behavioral Correlates of Situational Affordances*. Poster presented at the annual meeting of the Western Psychological Association, Palm Springs, CA.

COGNITIVE-EMOTIONAL STRUCTURE OF DIFFICULT SITUATIONS EXPERIENCE (FOR EXAMPLE, MIGRATION AND DIVORCE)

E. GRISHUNINA

In represented research is realised the phenomenological approach to experiences of the person in a migration and divorce situations. Thanks to using qualitative-quantitative methods (a measurement of situational affect Gottshalk-Glejzer and the theme analysis in texts-histories about a situation) is reconstructed the experience which is an integral part of a situational subjective picture. Results show, that the experience in a migration situation are based on aggressive emotions and direct-

ed on indigenous population, and also on overcoming of the work and habitation problems. At divorce prevail the emotions of the disturbing register interconnected at women with expectations of aggressive behaviour of the former husband and complexities in the future, and at men — with separation from own children and regretfully about sacrificed own values.

Keywords: experience, situationalism, phenomenological psychology, personal-situational interaction, difficult real situation, subjective representation of situations, migration, divorce

- Abul'hanova K.A. Strategija zhizni. M: Mysl', 1991.
- Almaev N.A. Ponimanie i vyrazhenie znachenij v rechi cheloveka: Diss. ... d. psihol. n. M., 2007.
- Anan'ev B.G. O problemah sovremennogo chelovekoznanija. SPb.: Piter, 2001.
- Ancyferova L.I. Lichnost' v trudnyh zhiznennyh uslovijah: pereosmyslvanie, preobrazovanie situacii i psihologicheskaja zavita // Psihologicheskij zhurnal. 1994. T. 15, № 1.
- Barabanikov V.A., Nosulenko V.N. Sistemnost'. Vosprijatie. Obwenie. M.: Institut psihologii RAN, 2004.
- Bondareva S.K., Kolesov D.V. Migracija. Suwnost' i javlenie. Moskva-Voronezh, 2004.
- Burlachuk L.F., Korzhova E.Ju. Psihologija zhiznennyh situacij. M., 1998.
- Burlachuk, L.F., Mihajlova N.B. K psihologicheskoi teorii situacij // Psihologicheskij zhurnal, 2002. T. 23, № 1.
- Busygina N.P. Fenomenologicheskoe opisanie i interpretacija: primery analiza dannyh v kachestvennyh psihologicheskikh issledovanijah // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2009. № 2. S. 52—77.
- Vasiljuk F.E. Psihologija perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situacij). M.: MGU, 1984.
- Grishunina E.V. Migracija i situacija razvoda v sem'e / Migracija v Evrope: social'nye i psihologicheskie aspekty // Materialy mezhdunarodnoj konferencii. Kiev. 2004.
- Grishunina E.V. Tematicheskie centraccii v vyskazyvanijah o situacii razvoda // Jazyk. Soznanie. Kul'tura. M.-Kaluga: Institut jazykoznanija RAN, Institut psihologii RAN / pod red. Ufimcevoj N.V., 2005.
- Grishunina E.V. Osobennosti dinamiki subektivnogo konstrukta situacii pri razvode. Sb. nauchnyh statej. Vyp. 3 / pod red. Blinnikovej I.V. M.: Vysshaja shkola psihologii. 2006.
- Grishunina E.V., Kraevskaja N.B. Chelovek v situacii sobesedovanija pri prieme na rabotu // Chelovecheskij faktor: social'nyj psiholog. 2009. № 2 (18).
- Grishunina E.V., Juzhaninova A.L. Diagnostika vzaimootnoshenij cheloveka s okruzhajuwimi metodom analiza snovidenij / Sbornik SGPI. Saratov, 1993.
- Dzhendlin Ju.T. Fenomenologicheskaja koncepcija i fenomenologicheskij metod: kriticheskij analiz raboty Medarda Bossa so snovidenijami // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2009. № 2. S. 130—146.
- Leont'ev D.A. Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. I.: Smysl, 2007.

- Ljengle A. Fenomenologičeskij podhod v jekzistencial'no-analitičesknoj psihoterapii // Moskovskij psihoterapevtičeskij žurnal. 2009. № 2. S. 110—129.
- Kronik A.A., Ahmerov R.A. Kauzometrija: Metody samopoznanija, psihodiagnostiki i psihoterapii v psihologii žiznennogo puti. M., Smysl, 2008.
- Malkova G.Ju. Kontent-analiz avtobiografičeskikh rasskazov v izučenii ličnostnyh svojstv: Diss. ... k. psihol. n. M., 2005.
- Mihajlova N.B. Psihologičeskoe issledovanie situacii bezraboticy // Psihologičeskij žurnal, 1998, № 6.
- Mihajlova N.B. Psihologičeskoe issledovanie situacii jemigracii // Psihologičeskij žurnal, 1999, № 5.
- Nurkova V.V. Kul'turno-istoričeskij podhod k avtobiografičesknoj pamjati: avtoref. diss. ... d. psihol. n. M., 2009.
- Rossija v cifrah. 2010: Kratkij statističeskij sbornik / Rosstat. M., 2010.
- Ulanovskij A.M. Fenomenologičeskij metod v psihologii, psihiatrii i psihoterapii // Metodologija i istorija psihologii. 2007. T. 2. Vyp. 1. S. 130—150.
- Jaspers K. Obwaja psihopatologija / per. s nem. M.: Praktika, 1997.
- Magnusson D. 1981. A psychology of situations. In: *Toward a psychology of situations. An interacional perspektive*. Erlbaum. 9—32.
- Thomae H. 1996. *Das Individuum und seine Welt*. Göttingen.
- Wagerman S.A., Greve L.A. & Funder D.C. 2006. *You Did What Where? Behavioral Correlates of Situational Affordances*. Poster presented at the annual meeting of the Western Psychological Association, Palm Springs, CA.